

28 МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ 1945-ГО

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

К 75-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

Вячеслав Алексеевич Никонов
28 мгновений весны 1945-го
Серия «Никонов Вячеслав.
Книги известного политолога»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63214345

28 мгновений весны 1945-го / Вячеслав Никонов: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-116433-1

Аннотация

Великая Отечественная война – это история великого мужества, великого самопожертвования, триумфа воли народа во имя будущего человечества. Память о тех, кто отдал жизнь, защищая Родину, кто погиб в страшной нацистской машине смерти, живет и будет жить в наших сердцах.

Победа – главный символ национального величия и национальной гордости. Поэтому наши недруги всегда пытались опорочить Победу, а то и вовсе отобрать.

В этой книге рассказывается о последнем месяце Великой Отечественной:

- события восстанавливаются день за днем;
- фронтовые будни и подвиги;
- стратегические замыслы, планы великих держав и лидеров;
- оперативные планы полководцев;

- интриги политиков;
- агония Третьего рейха.

Повествование начинается с 12 апреля 1945 года. Почему? Хотя бы потому, что события того дня, прежде всего смерть Франклина Рузвельта, помогают найти ответ на вопрос: как заканчивалась Великая Отечественная и начиналась холодная война?

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Мгновение 1	7
В ожидании чуда	7
Король умер...	31
Мгновение 2	61
Сверхдержава СССР	61
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Вячеслав Никонов

28 мгновений весны 1945-го

В 2020 году Россия отмечает 75-летие Великой Победы.

История Великой Отечественной войны – это история великого мужества, великого самопожертвования, триумфа воли народа во имя будущего всего человечества. Память о тех, кто отдал свои жизни, защищая Родину, кто погиб в страшной нацистской машине смерти, живет и всегда будет жить в наших сердцах.

Победа – один из главных символов национального величия и национальной гордости. И именно поэтому наши недруги всегда пытались опорочить Победу, а то и вовсе у нас отобрать.

Нам не удастся отпраздновать 75-летие так, как хотелось бы. Пандемия и здесь внесла свои беспощадные коррективы. Но мы можем вспомнить события победной весны, обращаясь к документам, фактам, свидетельствам очевидцев.

В этой книге рассказывается о последнем месяце Великой Отечественной. События восстанавливаются день за днем. Все как было. Фронтовые будни и подвиги. Стратегические замыслы, планы великих держав и их лидеров. Оперативные планы полководцев. Интриги политиков. Агония Третьего рейха.

Представлены не только события конкретного дня, но

также основные действующие лица – государства и их лидеры.

Повествование начинается с 12 апреля 1945 года. Почему? Хотя бы потому, что события того дня, прежде всего смерть Франклина Рузвельта, во многом помогают найти ответ на важный вопрос: как заканчивалась Великая Отечественная война и начиналась война холодная?

Мгновение 1

12 апреля. Четверг

В ожидании чуда

Фюрер Третьего рейха Адольф Гитлер ждал чуда. Только оно могло и обязано было спасти и его, и Германию.

Апрельскими вечерами рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс, главный идеолог нацизма, ставший наиболее приближенным к фюреру лицом, читал Гитлеру вслух его любимую книгу. Это была «История жизни Фридриха II Прусского», вышедшая из-под пера блестящего английского историка Томаса Карлейля. Даже у Фридриха Великого – кумира Гитлера – были черные времена. В годы Семилетней войны армии российской императрицы Елизаветы Петровны дошли до Берлина и стояли у Бранденбургских ворот. Великий король чувствовал приближение гибели и сказал своим министрам: если до 15 февраля в его судьбе не произойдет перелома к лучшему, он сдастся року и примет яд...

«Наш храбрый король! – читал Геббельс. – Подождите еще немного, и дни Ваших страданий останутся позади. Солнце Вашей судьбы уже появилось на небе и скоро взойдет над Вами».

Царица Елизавета скончалась 25 декабря 1761 года (5 января 1762 года), и для Бранденбургской династии свершилось чудо. В Санкт-Петербурге на престол вступил Петр III, для которого Фридрих Великий тоже был кумиром, и Россия повернула оружие против врагов Пруссии.

Оккультизм был стихией фюрера. Он неизменно сверял свой курс со звездами. Геббельс подготовил два свежих астрологических прогноза: один для Веймарской республики (ее Конституция формально продолжала действовать), второй – лично для Гитлера. Гороскопы говорили: улучшения положения на фронте можно ожидать во второй половине апреля. Затем в мае, июне и июле последует заметное ухудшение. Война благополучно закончится в августе.

Информация к размышлению

Гитлер Адольф. 55 лет. Фюрер (вождь) немецкого народа и рейхсканцлер Германии. Верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии. Лидер Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП).

Первая профессия – художник. Участвовал в Первой мировой войне на Западном фронте, ранен в левое бедро, имел несколько боевых наград, закончил войну ефрейтором. Возглавил НСДАП в 1921 году. Соавтор нацистской программы «25 пунктов», главные идеи – отмена Версальского договора, антисемитизм,

социализм, пангерманизм. За организацию в 1923 году «Мюнхенского пивного путча» осужден на пять лет тюрьмы, реально провел в заключении 9 месяцев. В книге «Майн кампф» («Моя борьба») обосновал идеи расового превосходства германской нации и необходимости расширения ее «жизненного пространства» за счет земель «расово неполноценных» народов.

Резко набрал популярность на фоне мирового экономического кризиса 1929–1933 годов, который наиболее сильно ударил по Германии и стал важнейшим фактором прихода Гитлера и нацистов к власти в 1933 году. Поставил цель формирования нового европейского и мирового порядка, включавшего в себя освобождение Германии от военных ограничений Версальского договора, «собрание немецких земель», уничтожение евреев. На следующем этапе – в союзе с Италией и Японией – уничтожение Франции, захват и колонизация Советского Союза и истребление большей части его «расово неполноценного» населения, сокрушение Великобритании с захватом ее колоний и создание предпосылок для мирового господства германо-арийской расы.

В 1938–1939 годах присоединил к Германии Австрию и Чехословакию, завоевал Польшу. В 1940 году оккупировал Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию, Люксембург и Францию, весной 1941 года – Грецию и Югославию. 22 июня 1941 года в коалиции с Италией, Финляндией, Венгрией,

Румынией, Болгарией, Словакией, Хорватией напал на СССР. Захватил республики Прибалтики, Украину, Белоруссию, дошел до Волги в Сталинграде. Установил жесточайший оккупационный режим, который уничтожил миллионы советских людей. С конца 1942 года начал терпеть серьезные поражения. В 1944 году территория Советского Союза была освобождена от оккупантов, Красная армия продвинулась в Польшу и на Балканы, англо-американские войска освободили большую часть Франции и Италии.

Гитлера по праву называют преступником № 1 в истории человечества. По его воле, по его приказу были истреблены десятки миллионов людей, а результатом его политики стала гибель еще десятков миллионов во всех уголках земного шара.

Он считал себя олицетворением германской нации. Нацистская присяга, которую давал каждый солдат и офицер германской армии, звучала так: «Клянусь перед Богом в моем безусловном повиновении Адольфу Гитлеру, фюреру Рейха и германского народа, Верховному командующему вермахта, и даю слово храброго солдата соблюдать эту присягу всегда, даже перед лицом смерти». То есть присяга давалась лично Адольфу Гитлеру как вождю и командующему, а не родине и флагу. И церемония принятия присяги, и ее текст были сродни клятве средневекового рыцаря на верность суверену.

Немцы верили в Гитлера, многие им восхищались. Генерал-полковник Гейнц Гудериан, до конца марта 1945 года возглавлявший Генштаб сухопутных войск, писал в мемуарах: «Гитлер – в высшей степени умный человек, он обладал исключительной памятью, особенно на исторические даты, разные технические данные, цифры... Он все больше удивлял своей способностью абсолютно точно воспроизводить то, что он когда-то читал или когда-нибудь слышал во время доклада... Он обладал даром облекать свои мысли в легкодоступные формы и убеждать слушателей в их правильности беспрестанным повторением... Гитлер обладал необыкновенным ораторским талантом; он умел убеждать не только народные массы, но и образованных людей.

Самым выдающимся его качеством была огромная сила воли, которая притягивала к нему людей. Эта сила воли проявлялась столь внушительно, что действовала на некоторых людей почти гипнотически. Я сам лично часто переживал такие минуты».

А лидер Франции генерал Шарль де Голль напишет: «Гитлер был не только силен, но и хитер. Он умел и запугивать, и улещивать, и щелкать кнутом, и гладить по шерсти. Завороженная Германия в едином порыве последовала за своим фюрером. До самого конца она была предана ему и пошла ради Гитлера на такие жертвы, каких ни один народ не приносил своим вождям».

20 июля 1944 года фюрера уже спасло чудо, когда пол-

ковник вермахта Клаус фон Штауффенберг пронес в своем портфеле бомбу на совещание в бункере. Массивный дубовый стол позволил Гитлеру остаться в живых.

Но постоянное напряжение, которого требовало руководство войной, стрессы от поражений, явно нездоровый образ жизни – без свежего воздуха, без движений, в подземных бункерах, лекарства, которые он ежедневно принимал по предписанию своего врача Морелля (многие считали его откровенным шарлатаном), – сильно подорвали здоровье Гитлера еще до 20 июля. От взрыва у него лопнули барабанные перепонки в обоих ушах. Это усугубило повторяющиеся приступы головокружения...

В сентябре 1944 года у фюрера случился нервный срыв, он слег, но к ноябрю поправился и вернулся в Берлин, чтобы планировать провальную операцию против англо-американских войск в Арденнах. Однако теперь ему почти не удавалось себя контролировать. По мере того как новости с фронтов становились все более печальными, Гитлер все чаще впадал в приступы истерии. Он не мог унять дрожь в руках и ногах.

После 20 июля военные в его глазах были обесчещены и потеряли всякое доверие. Он не желал выслушивать генералов вермахта. Им позволялось входить к фюреру, только сдав личное оружие. Гудериан был склонен винить в военных провалах Гитлера. «Гитлер все еще жил верой, что только он является единственным действительно боевым солда-

том в главной ставке, и потому считал, что большинство его военных советников не правы, а прав только он... Гитлер считал себя полководцем и потому не терпел поучений:

– Вам нечего меня поучать! Я командую германскими сухопутными силами на фронтах уже пять лет, я накопил за это время такой практический опыт, какой господам из Генерального штаба никогда не получить. Я проштудировал Клаузевица и Мольтке и прочел планы стратегического развертывания Шлиффена. Я больше в курсе дела, чем вы!»

Геббельс был иного мнения и 2 сентября 1944 года замечал: «Командиры вермахта на Западном фронте, прежде всего командиры дивизий, не желают воевать. Знакомый мотив: когда командиры больше не верят в победу, им кажется, что, отступая, они проявляют доблесть. Если бы на ключевых должностях в армии стояли безжалостные партийцы, дело бы обстояло совсем иначе».

И Гитлер стал почти полностью полагаться на СС. По его приказу расследованием заговора 20 июля руководили рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и его непосредственный подчиненный Эрнст Кальтенбруннер, начальник Управления имперской безопасности (РСХА), в состав которого входили тайная полиция (гестапо), секретная служба внутренней и внешней разведки (СД) и тайная полиция оккупированных территорий.

За участие в заговоре гестаповцы повесили фельдмаршала Эрвина фон Вицлебена, который в 1941–1942 годах ко-

мандовал германскими армиями на Западном фронте, и еще семь высокопоставленных генералов и офицеров. Военная разведка (абвер), гордившаяся своей независимостью, была подчинена внешней разведке РСХА под руководством Вальтера Шелленберга. Глава абвера адмирал Канарис оказался в концлагере, а затем был казнен. Во все войсковые штабы были направлены люди из гестапо. Гиммлер был назначен главнокомандующим армией на территории Германии. По сути, тайная полиция стала руководить армией, держа генералов вермахта в постоянном страхе.

В начале 1945 года многим даже в самой Германии положение казалось безнадежным. Некогда многочисленные сателлиты Германии отпали один за другим. Румыния перешла на сторону союзников в конце августа 1944 года. В начале сентября ее примеру последовала Болгария, а неделю спустя – Финляндия. В Венгрии только активное военное вмешательство немцев предотвратило ее отпадение от «Оси» в декабре 1944 года.

Советские войска, обладая уже огромным численным и качественным перевесом, неумолимо и планомерно накатывались с востока, задерживаясь ненадолго только на широких водных преградах и только для того, чтобы нарастить силы, подтянуть линии снабжения и вновь атаковать. Вторжение на территорию Германии американских, британских, французских, канадских и польских дивизий, поддержанных с воздуха 12 тысячами самолетов и десятками миллионов

тонн военных грузов, доставляемых тысячами кораблей через океан, не оставляло надежды избежать катастрофы на Западном фронте.

Огромная германская военная машина лишалась экономического фундамента. Она уже не могла рассчитывать на фабрики и поля Франции, освобожденной западными союзниками, на предприятия Восточной Европы, освобождаемой Красной армией.

Немецкая военная техника и оборонные предприятия все чаще простаивали из-за отсутствия топлива. Именно поэтому Гитлер с упорством обреченного готов был защищать нефтяные месторождения Венгрии, угольные бассейны Рура и Силезии. Но это не помогало. К тому же союзная авиация в первую очередь наносила удары по нефтехранилищам и нефтеперерабатывающим предприятиям. Бензин, на котором передвигались немецкие танки (в отличие от советских, которые ходили на дизтопливе), оказался едва ли не самым дефицитным товаром.

Гитлеровские планы создания сверхоружия, способного кардинально переломить ход войны, никак не материализовывались. Атомный проект, по словам известного американского журналиста и историка Уильяма Ширера, «продвинулся недалеко, поскольку не вызывал большого интереса у Гитлера и поскольку Гиммлер имел обыкновение арестовывать ученых-атомщиков по подозрению в нелояльности или отрывал их для проведения увлекавших его нелепых “науч-

ных” экспериментов, которые он считал гораздо более важными. К концу 1944 года правительства Англии и США с большим облегчением узнали, что немцы не смогут создать атомную бомбу и применить ее в этой войне». Баллистические ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2 с мощными боеголовками легко доставали до Лондона и произвели там немало разрушений. Но они никак не могли переломить ситуацию.

Грандиозная программа расширения ВВС утратила всякое значение, так как горючего не хватало даже на обучение летного состава. Германия опередила всех в создании реактивных самолетов. Но они потребляли еще больше топлива, чем винтовые. Кроме того, для реактивных самолетов требовались более длинные взлетные полосы, и именно их – вместе со стоявшими на земле самолетами – союзная авиация, имевшая уже полное господство в воздухе, уничтожала прежде всего.

Надводный флот был вынужден ограничиваться Балтикой. До конца войны продолжали сражаться мелкие прибрежные суда и подводные лодки, причинявшие немалый, но все меньший ущерб конвоям через Атлантику, от которых в решающей степени зависел успех англо-американских операций в Европе. Самолеты союзников при налетах на Киль, Вильгельмсхафен и Гамбург уничтожили много подводных лодок у их причалов. Впрочем, немцы спустили на воду в ноябре 1944 года больше подводных лодок, чем в любой другой месяц войны.

Гитлер даже и слышать не хотел про переговоры о перемирии. Не говоря уже о том, чтобы сдаться. Рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп еще 30 августа 1944 года «предлагал фюреру памятную записку с просьбой уполномочить меня немедленно предпринять зондаж во всех направлениях с целью заключения мира... Но памятная записка успеха не возымела, а полномочий, которые я просил, мне так и не было дано». В январе 1945 года Риббентроп предпринял последнюю попытку. «Я сказал фюреру: я готов вместе со своей семьей полететь в Москву, чтобы априори убедить Сталина в честности наших намерений; таким образом, я и моя семья послужим своего рода залогом в его руках. На это Гитлер ответил:

– Риббентроп, не устраивайте мне никаких историй вроде Гесса!

Такова трагическая глава моих попыток прийти к миру с Россией, чтобы затем получить возможность закончить войну компромиссом с Западом».

На что же надеялся Гитлер, державший в руках судьбу Германии?

Прежде всего на свою военную машину, которая все еще была грозным зверем. Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков подтверждал: «К концу 1944 года гитлеровское командование было еще способно вести серьезные оборонительные сражения, оказывать активное со-

противление. В вооруженных силах противника все еще насчитывалось свыше 9,4 миллиона человек, при этом в действующей армии – 5,4 миллиона. Как и раньше, гитлеровское командование и теперь, на завершающем этапе, держало на Восточном фронте большую часть своих сил: 3,7 миллиона человек, около 56 тысяч орудий и минометов, свыше 8 тысяч танков и штурмовых орудий, 4,1 тысячи самолетов. При этом нужно учесть, что линия советско-германского фронта сократилась почти вдвое, и потому плотность обороны вражеских войск была высокой». Немецкая армия в 1945 году была более многочисленной, чем в 1941-м.

Но Гитлера поддерживало и другое. Фанатичная вера в себя и расовое превосходство немецкой нации, которая должна либо восторжествовать, либо погибнуть, защищая себя от полчищ варваров. В декабре 1944 года он напутствовал своих генералов:

– В жизни существует только один вечный «закон культуры» – отбор и выживание сильнейших и храбрейших... Решающее значение имеет по-прежнему лишь воля к жизни: в жизни побеждает сильнейший, и только он определяет, что такое справедливость и мораль. Германия ведет борьбу не на жизнь, а на смерть – если она проиграет ее, то проявит свою биологическую слабость и, следовательно, должна будет отвечать за все последствия этого факта. Но если западные державы считают, что победа будет на их стороне, они заблуждаются. Если им удастся сокрушить тот бастион, ко-

торым является Германия, победа достанется не Западу, а Востоку, которую тот заслужил. В случае поражения немецкий народ должен будет безропотно покинуть авансцену истории. И мне известно, что это будет означать для Германии. Поэтому я требую напряжения всех сил и борьбы до последнего патрона.

И особые надежды Гитлер возлагал на то, что противостоящий ему альянс великих держав со дня на день распадется. Или даже входящие в него страны вцепятся друг другу в глотки и призовут его, фюрера, в партнеры.

– В истории никогда не существовало такой коалиции, как у наших врагов, коалиции, составленной из столь разнородных элементов и преследующих столь разные цели, – уверял Гитлер. – С одной стороны, ультракапиталистические государства, с другой – ультрамарксистские. С одной стороны, умирающая империя – Великобритания, а с другой – бывшая колония, твердо решившая наследовать ей, – Соединенные Штаты... Если сейчас мы нанесем несколько ударов, то в любой момент этот искусственно сколоченный общий фронт может рухнуть с оглушительным грохотом, но при условии, что Германия не проявит слабости. Необходимо лишить противника уверенности, что победа обеспечена... Исход войны в конечном счете решается признанием одной из сторон факта, что она не в состоянии победить. Мы должны постоянно внушать противнику, что ему ни при каких условиях, никогда не добиться нашей капитуляции. Ни-

когда! Никогда!

Он оставался бесчеловечным, непреклонным, беспощадным, каким был и в дни побед. Ради величия своего грязного и уже безнадежного дела он решил не отступать, не вилать, не колебаться. Фельдмаршал Эрих фон Манштейн, оставленный Гитлером в апреле 1944 года после неудач на Восточном фронте, писал о фюрере: «Он был человеком, которому была известна только жестокая борьба до последнего предела».

Фельдмаршал Кейтель на допросе покажет:

– Еще с лета 1944 года Германия вела войну за выигрыш времени, надеясь на то, что в войне, в которой с обеих сторон участвовали различные государства, различные полководцы, различные армии, различные флоты, в любое время могло возникнуть совершенно неожиданное изменение обстановки в результате комбинации различных сил. Таким образом, мы вели войну в ожидании тех событий, которые должны были случиться, но которых не случилось.

В сражениях на Висле, Одере, Рейне и Дунае немецкие армии продолжали под черным от союзной авиации небом оказывать яростное сопротивление. В разрушенных бомбами городах люди не переставали дисциплинированно трудиться.

Конечно, армия была уже не та. И контроль со стороны СС ей уже не сильно помогал, что понимал и сам фюрер,

отстранивший Гимmlера от руководства оборонявшей Берлин группой армий «Висла». На его место был назначен генерал-полковник Хейнрици, имевший большой опыт оборонительных сражений. «То, что новый командующий 22 марта увидел на порученном ему фронте, пожалуй, лишь отдаленно напоминало закаленные в боях дивизии... Отдельные еще крепкие войсковые части были слиты с подразделениями выздоравливающих, молодых новобранцев, маршевыми подразделениями, фольксштурмом, иностранцами-эсэсовцами, пополнениями, присланными из военно-морских и военно-воздушных сил, а также из службы имперской трудовой повинности», – писал генерал вермахта Курт фон Типпельскирх, оставивший обширную историю Второй мировой войны.

Но моральный дух армии – до самого конца – был достаточно высок. «Немецкие войска сражались... либо с растущим сознанием безнадежности, либо яростно ожесточившись против судьбы, либо – в значительной части, если не в подавляющем большинстве – сознавая свой долг перед родиной и даже сохраняя веру в гений Гитлера. Всех их, кроме незначительного меньшинства, связывала дисциплина, которую не могло бы ослабить и вдвое более тяжелое поражение... На Восточном фронте добавлялся еще один момент, заставлявший продолжать борьбу: стремление защитить немецкую землю и ее население от бесчеловечности восточного противника», – утверждал Курт фон Типпель-

скирх. Такие вот человеческие немцы, уничтожившие 26 миллионов людей только в СССР. При этом «в среде высшего командного состава, видевшего неизбежность катастрофы, распространилось такое отношение к войне, в котором сознание бесполезности борьбы стояло в неразрешимом противоречии с их обязанностями по отношению к начальникам и подчиненным».

Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев тоже свидетельствовал: «Тяжелая обстановка пока не вносила почти никаких поправок в характер действий гитлеровского солдата на поле боя: он продолжал драться так же, как дрался раньше, отличаясь, особенно в обороне, стойкостью, порой доходившей до фанатизма... Говорить о моральной сломленности гитлеровской армии пока тоже не приходилось... Геббельсовская пропаганда пугала солдат, уверяя их, что русские не оставят от Германии камня на камне и угонят в Сибирь все немецкое население, а с другой стороны, на тех же солдат обрушились жестокие репрессии, усилившиеся к концу войны».

Число дезертиров росло. Но одновременно раскручивался маховик «летучих трибуналов», выносивших смертные приговоры на месте без суда и следствия. Специальные отряды СС и полевой жандармерии вешали всех, кого ловили вне части или кто отступал без приказа. Солдат обязали расстреливать офицеров любого звания, если те отдавали команду на отступление.

В начале апреля Гитлер еще выходил в ночные часы из расположенного недалеко от имперской канцелярии подземного бункера, где проводил все свое время, спасаясь от бомбежек и руководя рейхом. В прогулках по одной уцелевшей дорожке в саду Рейхсканцелярии его сопровождал Геббельс. «Понадобился бы драматург кафкианского таланта, чтобы описать эту прогулку по развороченному взрывами саду; едва стоящий на ногах одряхлевший фюрер и его тщедушный и хромой министр пропаганды, рассуждающие о нацистском мужестве и мощи на фоне превращенного в развалины города», – пишет немецкий биограф Гитлера Марлис Штайнер.

Гитлер уже не позволял себя снимать, последние кадры кинохроники, на которых он приветствовал отправлявшихся на смерть мальчишек из гитлерюгенда, датированы 25 марта. Геббельс убеждал фюрера выступить по радио с обращением к народу. Гитлер отказался. И больше не выступал. «Крепкая глотка», благодаря которой в 1921 году основатель партии Антон Дрекслер передал бразды правления НСДАП Гитлеру, уже не могла помочь. Его способности убеждать людей иссякали.

Но Геббельс еще верил в свои способности. 6 апреля он обратился с призывом к войскам: «Фюрер заявил, что уже в этом году должна наступить перемена в судьбе... Истинная сущность гения – это предвидение и твердая уверенность в предстоящих переменах. Фюрер знает точный час их наступ-

ления. Судьба послала нам этого человека, чтобы мы в час великих внутренних и внешних потрясений стали свидетелями чуда».

Главнокомандующий группой войск «Центр» Фердинанд Шёрнер 5 апреля был вызван в Берлин. «Мне было объявлено о присвоении звания генерал-фельдмаршала. На этот раз я принял участие в обсуждении планов обороны Берлина. Гитлер тогда выразил уверенность, что с помощью вновь сформированных дивизий из молодежи нам удастся не только сдержать наступление русских, но и осуществить большое контрнаступление против советских войск... Гитлер поставил меня в известность, что в Альпах создается серьезная зона сопротивления, так называемая “Альпийская крепость”, и приказал мне направлять туда из Чехословакии вооружение и продовольствие».

Последним козырем на Западном фронте была еще не укомплектованная полностью 12-я армия под командованием генерала танковых войск Вальтера Венка. Именно она, согласно берлинской радиопропаганде, должна была внести перелом в борьбу против западных держав. «Формирование этой армии было предпринято в начале апреля из последних имевшихся в Центральной Германии людских и материальных резервов с целью сосредоточить ее в Гарце, бросить на Запад на освобождение Рурской области и добиться этим ударом раскола фронта противника, – писал Типпельскирх. – Затем в ходе дальнейшей операции должно бы-

ло последовать восстановление сплошного Западного фронта... Из постоянного состава пехотных и танковых училищ, частей службы трудовой повинности и командиров всех степеней, которых еще можно было найти во 2-м и 3-м корпусных округах, был создан костяк семи дивизий».

Берлин готовился обороняться. Женщин учили стрелять из пистолета. Бойцов фольксштурма отправили строить баррикады на улицах, перегораживать их трамваями и товарными вагонами, наполненными камнями. Копались окопы для стариков и молодежи из фольксштурма, которых вооружали противотанковыми фаустпатронами. Подростков из «Трудового фронта» массово призывали на военную службу. Многие из них заставляли смотреть, как расстреливают: «чтобы приучить к виду смерти». Новобранцы, отправлявшиеся на фронт в пригородных электричках, пытались поддерживать дух висельными шуточками, прощаясь словами: «Встретимся в братской могиле».

День 12 апреля был для Гитлера чудовищно плохим (он еще не знал, что его ждет впереди). Германия только что потеряла одну столицу и уже теряла другую. Столицу Восточной Пруссии Кёнигсберг. И Вену, столицу Австрии, которая стала частью рейха после аншлюса в 1938 году.

Штурм Кёнигсберга вели войска 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского. После продолжавшейся несколько часов артиллерийской подготовки они прорвали позиции вокруг Кё-

нигсберга, окружили со всех сторон крепость и 7–8 апреля устремились к центру уже горевшего во многих местах города. «Просьбу коменданта крепости разрешить гарнизону прорываться из города на запад Гитлер отклонил, – писал Типпельскирх. – Предпринятая в западной части города на собственный страх и риск попытка локального прорыва кольца окружения, на которой настаивали прежде всего местные руководители национал-социалистической партии, стремившиеся спасти свою жизнь, провалилась».

На острие советской атаки шла Земландская оперативная группа войск генерала армии Ивана Христофоровича Баграмяна. Он рассказывал: «Когда А. М. Василевскому на рассвете 9 апреля доложили, что нет никаких признаков капитуляции, он вызвал командующего артиллерией фронта генерал-полковника М. М. Барсукова и приказал ему сосредоточенным огнем всей артиллерии по центральным кварталам города помочь армии к концу дня завершить штурм Кёнигсберга... К вечеру 9 апреля вся северо-западная, западная и южная части Кёнигсберга были в наших руках. Противник продолжал из последних сил удерживать лишь самый центр и восточную часть города. Наконец, комендант Кёнигсберга принял первое за последние два дня боев разумное решение. Он выслал нам парламентариев с сообщением о прекращении дальнейшего сопротивления... В 21 час 30 минут генералу О. Ляшу был вручен ультиматум советского командования». Ляш принял все условия.

В ночь на 10 апреля Москва уже салютовала доблести, отваге и мастерству героев штурма Кёнигсберга 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Это называлось салютом высшей категории. Но потребовалось еще четыре дня, чтобы добиться капитуляции всего огромного гарнизона Кёнигсберга. Всего в ходе Кёнигсбергской операции потери немецкой стороны составили 42 тысячи человек убитыми, в плен было взято, по официальным советским данным, 93 853 военнослужащих, захвачено 2 тысячи орудий и 128 самолетов.

Гитлер жестко отреагировал на капитуляцию Кёнигсберга. Он заочно приговорил Ляша к смертной казни, а его семью подверг репрессиям. Его жена и старшая дочь были найдены в Дании и брошены там в тюрьму, младшая дочь и зять, которого немедленно разыскали на фронте, оказались в берлинских застенках гестапо. Командующий армейской группой генерал Мюллер лишился своего поста. Командование всеми немецкими войсками в Восточной Пруссии и дельте Вислы Гитлер передал в руки генерала танковых войск Дитриха фон Заукена. «Дело теперь повсюду сводилось лишь к тому, чтобы спасти жизнь раненым и беженцам и насколько возможно эвакуировать их морем», – свидетельствовал Типпельскирх. Но время для окруженных стремительно сжималось. В ночь на 12 апреля маршал Василевский предъявил ультиматум фашистским войскам, находившимся на Земландском полуострове, дав сутки на капитуляцию.

В это время войска 3-го Украинского фронта Маршала Советского Союза Федора Ивановича Толбухина и левого крыла 2-го Украинского фронта Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского завершали Венскую наступательную операцию. Три армии немецкой группы «Юг» – генералов Вёлера, Рендулича и фон Бюнау – отходили от рубежа к рубежу, сдерживая наступление Красной армии, которая к началу апреля вышла к австрийской границе. Малиновский 4 апреля овладел Братиславой и шел на Вену по северному берегу Дуная.

Вену обороняли остатки восьми танковых, одной пехотной дивизии, личный состав венской военной школы и 15 отдельных батальонов. Основу гарнизона составляли не добитые в Венгрии части 6-й танковой армии СС. Ее командующий, генерал-полковник войск СС Зепп Дитрих, возглавивший оборону, уверял фюрера: «Вена будет сохранена для Германии». 6 апреля Дитрих был убит.

Краткая хроника освобождения Вены от начальника штаба 3-го Украинского фронта Семена Павловича Иванова, который начинал Венскую операцию генерал-лейтенантом, а закончил генерал-полковником: «4 апреля войскам 4-й гвардейской, 9-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий была отдана директива на овладение Веной... 7 апреля 39-й стрелковый корпус 9-й гвардейской армии и соединения 6-й гвардейской танковой армии обошли Вену. На сле-

дующий день они достигли центра города, где соединились с войсками армии Н. Д. Захватаева... К 10 апреля вражеский гарнизон был зажат с трех сторон... Была разработана и 12 апреля отдана войскам 4-й, 9-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий оперативная директива, в которой особое внимание обращалось на одновременность штурма... Командующему артиллерией фронта генерал-полковнику артиллерии М. И. Неделину и командующему 17-й воздушной армией генерал-полковнику авиации В. А. Судцу маршал Ф. И. Толбухин приказал организовать подавление вражеской артиллерии до начала штурма и в ходе его».

Сопrotивление защитников Вены было сломлено. Типпельскирх признал: «Вена, как и другие города, тоже стала ареной тяжелых уличных боев, но поведение населения, а также отдельных немецких частей... было скорее направлено на быстрое окончание боев, чем на сопротивление».

Весь день 12 апреля Геббельс провел в Кюстрине (сейчас это польский Костшин-над-Одрон), где размещался штаб генерала Теодора Буссе, командующего немецкой 9-й армией, оборонявшей Берлин с востока и юго-востока. Вечером они сидели с генералом в штабе, и Геббельс, вдохновляя командование армии на подвиги, развивал свою излюбленную в те дни мысль: в силу исторической логики и справедливости ход событий просто обязан измениться, как это чудесным образом произошло в Семилетней войне.

– А какая царица умрет на этот раз? – поинтересовался

Буссе.

Геббельс не был уверен.

– Но судьба, – ответил он, – располагает многими возможностями.

Король умер...

Президент Соединенных Штатов Америки Франклин Рузвельт 12 апреля проснулся на своей вилле в местечке Уорм-Спрингс в штате Джорджия. Весна дышала надеждой. День был чудесный, теплый, воздух – чистый.

У Рузвельта немного болела голова и затекла шея. Он пожаловался доктору Говарду Брюэнну, который наблюдал его еще с марта 1944 года, когда тот попал в госпиталь в Бетесде. Доктор сделал массаж воротниковой зоны.

За завтраком Рузвельт подшутил над темнокожей служанкой, весившей за сто килограммов, сказав, что в следующей жизни скорее всего ей предстоит стать канарейкой. За столь неполиткорректное замечание в адрес темнокожей толстушки в современной Америке Рузвельту бы сильно не поздоровилось. Но тогда шутка была сочтена веселой. Это были времена расовой сегрегации, и в южных штатах, как в Джорджии, у афроамериканцев не было даже права голоса. Все присутствовавшие за завтраком отметили хороший внешний вид президента.

Последние известия, прочитанные Рузвельтом в утренних газетах, были о том, что между американскими и советскими войсками в Германии осталось всего 150 километров. Его курс на советско-американское партнерство себя полностью оправдывал.

Информация к размышлению

Рузвельт Франклин Делано (ФДР). 63 года. 32-й президент Соединенных Штатов. Лидер Демократической партии США. Представитель одного из старейших американских родов голландского происхождения. От отца унаследовал семейное имение Гайд-Парк в штате Нью-Йорк, крупные пакеты акций угольных и транспортных компаний. После Гортон, Гарварда и Колумбийского университета Рузвельт работал в крупной адвокатской фирме на Уолл-стрит. Масон. Женится на своей шестииродной сестре Анне Элеоноре Рузвельт, чей отец был младшим братом президента Теодора Рузвельта. В браке родилось шестеро детей, один из которых умер в младенчестве. Избирался в законодательное собрание штата Нью-Йорк, работал помощником и заместителем морского министра в 1913–1921 годах. В 1921 году Рузвельт заболел полиомиелитом и уже не расставался с инвалидным креслом (хотя умело скрывал это от избирателей, что было возможно в эпоху радио). В 1928 году был избран губернатором штата Нью-Йорк.

Стал президентом США в 1933 году на волне разочарования тяготами Великой депрессии. Предложенный Рузвельтом «Новый курс» заметно усилил роль государства в антикризисном регулировании, позволил создать в США систему

социального обеспечения, преодолеть массовую безработицу. Проводившаяся США в 1930-е годы политика изоляционизма и нейтралитета объективно способствовала попустительству агрессорам в годы назревания Второй мировой войны и в ее начале. После атаки Японии на Перл-Харбор в декабре 1941 года Рузвельт объявил войну Японии и Германии, произнеся свои знаменитые слова: «Нам нечего бояться, кроме самого страха».

Рузвельт был одним из инициаторов партнерства с Советским Союзом в войне, предоставления ему помощи по программе ленд-лиза. После высадки в Нормандии в июле 1944 года американские войска вели полномасштабные боевые действия против гитлеровской Германии. В ноябре 1945 года был переизбран президентом США на четвертый срок подряд. Рузвельт выступал основным инициатором создания Организации Объединенных Наций. Несмотря на плохое самочувствие, в феврале 1945 года принял участие в Ялтинской конференции, где лидеры СССР, США и Великобритании заложили многие основы послевоенного мира.

С Ялтинской конференции Рузвельт вернулся в Вашингтон совсем разбитый. Несмотря на советы врачей и близких как следует отдохнуть, Рузвельт вновь ринулся в омут бурной американской политики. 1 марта он выступил перед конгрессом с ежегодным посланием о положении в стране, где высоко оценил достигнутые в Крыму договоренности и

предложил позитивное видение будущего:

– Мир, который мы строим, не может быть американским и британским миром, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших и миром малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместных усилиях всех стран... Конференция в Крыму, я надеюсь, была ключевым моментом в нашей истории так же, как и в истории всего мира.

Но в США начинали дуть уже иные ветры. Война с Германией и Японией была еще далека от завершения, но на повестку дня в Америке все более весомо вставал вопрос об отношениях с Советским Союзом.

В годы войны во внешнеполитическом истеблишменте США противоборствовали три направления, по-разному представлявшие СССР и характер отношений с ним. «Оптимисты», к числу которых относились сам Франклин Рузвельт, его предыдущий вице-президент Генри Уоллес, ближайший помощник Гарри Гопкинс считали, что СССР может быть партнером и в битве с фашизмом, и в послевоенное время, участником «семейного круга» великих держав.

«Реалисты», которые имели наиболее сильные позиции в Объединенном комитете начальников штабов (ОКНШ), во главе с Джорджем Маршаллом понимали решающую роль СССР в разгроме Германии и, возможно, Японии и готовы были ему в этом помогать. Вместе с тем они не исключали превращения Советского Союза после войны в потенци-

ального противника и концентрировались на выстраивании глобальной системы обеспечения национальной безопасности США.

Что же касается «пессимистов», то их позиции были особенно сильны в Государственном департаменте и военной разведке. По их мнению, любое усиление СССР представляло собой угрозу для Соединенных Штатов, а поэтому Москву нужно «остановить», вплоть до прекращения поставок по ленд-лизу. К числу «пессимистов» принадлежал и действовавший вице-президент Гарри Трумэн.

Пока тон задавал Рузвельт. В его стратегическом видении будущего Советский Союз рассматривался как партнер Соединенных Штатов по контролю над новой мировой системой – вместе с Великобританией и Китаем (идея «четырех полицейских»). Когда в 1944 году президента попросили прокомментировать начавшиеся разговоры, будто русские намерены овладеть контролем над всей Европой, Рузвельт ответил: «Я лично не думаю, что это мнение имеет под собой основание. У них достаточно дел в самой России, чтобы многие годы заниматься внутренними проблемами, не беря на себя дополнительную головную боль». Союз военных лет казался ему основой взаимодействия в послевоенном мире, где следует признавать справедливость обеспокоенности Советского Союза обеспечением собственной безопасности. Рузвельт понимал неизбежность новых сфер влияния великих держав, надеясь в то же время сохранить советскую сферу

влияния открытой для американских капиталов, товаров и пропагандистского воздействия. Он никогда даже не обсуждал возможность силового противодействия СССР.

У курса на продолжение советско-американского сотрудничества и в дальнейшем была серьезная общественная поддержка. В марте 55 % американцев верили в готовность России сотрудничать с США после окончания войны. Число не удовлетворенных партнерством в Большой тройке не превышало 15 %.

Но предложения ужесточить курс звучали уже с самых разных сторон. Успехи левых сил в освобождаемых Советским Союзом странах Восточной Европы, выход советских войск к Вене, Праге и Берлину усиливали оппозицию ружельтовскому курсу, пресса подогривала температуру. Помимо традиционных обвинений в российском экспансионизме (на Западе так и не научились говорить об СССР, по-прежнему нашу страну куда чаще называли Россией) и полного неприятия идей и практики коммунизма, было два основных камня преткновения в отношениях с Москвой. Первый – Польша. В Ялте было решено пополнить созданное Москвой правительство в Варшаве представителями сидевшего в Лондоне эмигрантского правительства. Но с тех пор шли безостановочные и ни к чему не приводившие дебаты. В общих чертах: Кремль не устраивали предлагавшиеся западными партнерами антимосковски настроенные кандидатуры, союзников не устраивало чрезмерное представитель-

ство в будущем правительстве просоветских политиков.

Второй – «Кроссворд». В начале марта с санкции Рузвельта в Берне начались контакты между резидентурой американской разведки – Управления стратегических служб (УСС) – и германскими военными по поводу капитуляции немецких войск в Италии. Проводивший эту операцию резидент в Швейцарии (и будущий директор ЦРУ) Аллен Даллес подтверждал: «С конца февраля 1945 года, без лишней огласки, возглавляемая мною миссия Управления стратегических служб в Швейцарии и немецкие генералы в Италии обменивались эмиссарами и посланиями. На протяжении двух решающих месяцев командующие сцепившимися в схватке противоборствующими армиями поддерживали секретные сношения через мой офис в Берне в поисках возможности закончить бои на итальянском фронте, надеясь, что это послужит прологом к общей капитуляции нацистов в Европе. Мы дали этой операции кодовое название “Восход” и лишь позже узнали, что Уинстон Черчилль, который пристально следил за всеми событиями, уже назвал ее “Кроссворд”». В ходе этих контактов речь шла о «спасении западной цивилизации» путем открытия фронта перед наступающими англо-американскими войсками.

Было решено информировать Москву, которая все равно узнала бы об этом. 12 марта эту информацию передали наркому иностранных дел Вячеславу Михайловичу Молотову. В тот же день он дал согласие на проведение этих пе-

реговоров, но попросил подключить к ним представителей СССР. И здесь нашла коса на камень. Упорное нежелание союзников видеть советских представителей на переговорах с генералом войск СС Карлом Вольфом воспринималось в Москве крайне негативно. Сталин и Молотов отметились серией гневных посланий, где содержались такие оценки, которые в Лондоне и в меньшей степени в Вашингтоне были расценены как оскорбительные обвинения в нарушении союзнических обязательств.

Всегдашние критики внешней политики Рузвельта, лидеры республиканцев – Герберт Гувер, Роберт Тафт, Артур Ванденберг и другие – все громче заявляли, что были правы, изначально протестуя против оказания американской помощи Советскому Союзу.

Не сильно от них отставало американское посольство в Москве, где сам посол Аверелл Гарриман, его заместитель Джордж Кеннан и представитель военного командования США Джон Дин подталкивали Государственный департамент и окружение президента к жесткому разговору с Москвой.

Аналитики из того, что сейчас принято называть «глубинным государством», уже выстраивали новое видение мировой ситуации, во многом альтернативное президентскому. В документе ОКНШ «Оценки советских послевоенных возможностей и намерений», датированном 11 января 1945 года, главной стратегической задачей США и Великобритании

на послевоенный период называлось «предотвращение контроля над ресурсами и людской силой Европы и Азии со стороны поднимающейся державы – СССР (в случае если такая попытка будет предпринята)».

Не прошло и трех месяцев, как УСС подготовило доклад «Проблемы и цели политики Соединенных Штатов», где Советский Союз изображался уже почти состоявшимся «евразийским гегемоном», способным в силу имманентно присущих ему «экспансионистских устремлений» «стать для США самой зловещей угрозой из всех известных до сих пор»... СССР истощен войной, значительно уступает США по своему потенциалу и «в течение следующих 10–15 лет будет избегать еще одной крупной войны». Этот период предлагалось использовать как передышку для создания противовесов «советской экспансии» в Европе и Азии. В Европе это должен был быть «западноевропейско-средиземноморско-американский блок» с опорой на Великобританию, «сильную Францию» и западные зоны Германии.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе считалось необходимым как минимум уравновесить советское влияние в Китае и Японии, как максимум (в зависимости от исхода войны с Японией) – получить «доминирование» над ней, а также укрепить военно-политические отношения с Австралией и Новой Зеландией, дабы «обеспечить себе прилегающие бастионы в юго-западной части Тихого океана» и создать пояс обороны в Западном полушарии за счет вовлечения стран

Латинской Америки в «долгосрочный пакт безопасности». Эти планы удивительно точно предвосхитят основы американской стратегии в годы холодной войны. Рузвельт их не поддерживал.

В конце марта президент решил взять двухнедельный отпуск, чтобы поправить здоровье и избежать вашингтонских дряг в ожидании новых побед на фронтах.

Рузвельт отбыл 29 марта в Уорм-Спрингс, где природа обходилась с ним особенно ласково, старательно упаковав накануне в багаж свою бесценную коллекцию марок. Приглашал с собой дочь Анну, но болезнь сына не позволила ей уехать с отцом. Поезд прибыл на станцию в два часа дня 30 марта, и вскоре президентский лимузин домчал его до гостеприимной виллы, которую нередко называли «малым Белым домом».

Компания у него в Уорм-Спрингс была преимущественно женская. «В доме отсутствовала Элеонора Рузвельт, занятая в различных общественных мероприятиях в Вашингтоне, о чем, как уже стало между ними принято, никто из них не жалел, – замечал биограф. – Они нуждались в таких паузах, чтобы отдохнуть от ставших уже привычными тренировок». Президент пригласил провести с ним время родственниц – Лауру Делано и Маргарет (Дейси) Сакли. Вскоре к компании присоединилась Люси Мерсер-Рузерфорд. Рузвельт давно, вскоре после бракосочетания с Элеонорой, влюбился в Люси, в ту пору личную секретаршу его супруги. Рузвельт

даже подумывал о разводе с Элеонорой ради Люси, но все же решил сохранить семью и сберег тем самым свою политическую карьеру. Теперь он пожелал, чтобы Люси была рядом. А она захватила с собой свою подругу – художницу Елизавету Шуматову, которая намеревалась писать портрет президента, а тот согласился позировать. Кроме них, в Уорм-Спрингс обитали личные секретари Уильям Хассет и Грейс Талли, а также кардиолог Брюэнн.

Весна была в разгаре, и южное солнце грело по-летнему. Президент каждый день трудился и ездил по окрестностям. Он загорел, окреп, выпался. Кровяное давление скакало, но вернулся хороший аппетит, а вслед за ним и лучезарное настроение, активность и оптимизм. Врач делал заключение: «Его память о недавних и прошлых событиях безупречна, его поведение в отношении друзей и близких неизменно, и нет перемен в характере его речи». Возвращалось обычное состояние удовлетворения от работы. А ее было много, почта приходила оперативно и исправно.

Активность проявляли посольство и военная миссия США в Москве, чьи рекомендации становились все более жесткими. Гарриман запросил Госдепартамент и президента срочно отозвать его в Вашингтон для доклада о причинах «пугающего поворота в наших отношениях с Советским правительством после Крымской конференции».

В длинной аналитической депеше госсекретарю от 4 апреля Гарриман однозначно характеризовал советскую страте-

гию как направленную на большевизацию всей Европы: «Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что советская программа направлена на утверждение тоталитаризма и отрицание личных свобод и демократии в нашем понимании... СССР выйдет из войны с самым большим после США золотым запасом, будет располагать значительным запасом ленд-лизских материалов и оборудования для послевоенного восстановления, будет нещадно вывозить все, что можно, из оккупированных стран, контролировать в своих интересах внешнюю торговлю подчиненных ему стран... и в то же время – требовать от нас всей возможной помощи для продвижения своих политических целей в различных районах мира в ущерб нашим интересам... Если мы не хотим жить в мире, большая часть которого находится под советским господством, мы должны использовать свое экономическое влияние для защиты наших политических идеалов».

Однако Рузвельт был не склонен драматизировать ситуацию. Не внял он и настойчивой просьбе посла вызвать его в Вашингтон для личного доклада. По указанию президента руководство ОКНШ в те дни отклонило предложения Дина и Гарримана о мерах по ограничению военного сотрудничества с СССР, утверждая: «Поддержание единства союзников в ведении войны остается кардинальной и важнейшей задачей наших военных и политических отношений с Россией. Приведенные примеры отказов русских от сотрудничества при всем том, что их трудно понять и они вызывают

раздражение, сами по себе являются сравнительно незначительными инцидентами. Они могут стать важными, только если приведут к ответным мерам с нашей стороны, за которыми последуют аналогичные шаги русских так – вплоть до нарушения, в конце концов, союзного единства».

Наибольшую эпистолярную плодовитость демонстрировал британский премьер Уинстон Черчилль, который все настойчивее требовал от Рузвельта ужесточить курс в отношении Москвы. Он уговаривал устроить Сталину разнос за Польшу и в связи с его возмущением «Кроссвордом». Заодно он обвинял американцев в преступной близорукости за то, что их военное командование во главе с Дуайтом Эйзенхауэром не желало опередить русских и взять Берлин первыми, мешая при этом британским войскам двигаться на восток более быстрыми темпами.

Рузвельт защищал Эйзенхауэра в письме Черчиллю от 4 апреля: «Перед английской армией ставятся весьма логичные, по моему мнению, задачи на северном фланге... Я сожалею еще больше, что в момент великой победы наших объединенных сил мы оказываемся втянутыми в подобные заслуживающие сожаления пререкания. Имеются разумные основания ожидать, что в результате осуществления нынешнего плана Эйзенхауэра великая германская армия будет в весьма близком будущем полностью раздроблена на изолированные группы сопротивления, в то время как наши войска в тактическом отношении останутся нетронутыми и смо-

гут уничтожить все разрозненные части нацистской армии».

Продолжал обижаться за «Кроссворд» Сталин, который 3 апреля писал Рузвельту, что, по его сведениям, «переговоры были, и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на Западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещали за это облегчить для немцев условия перемирия». В «наказание» Сталин решил не посылать на открытие конференции в Сан-Франциско Молотова. Делегацию теперь должен был возглавить посол в США Андрей Андреевич Громыко, что делало советскую делегацию наименее представительной из всех.

На это послание, которое было, по словам руководителя аппарата Белого дома адмирала Леги, исполнено «подозрительности и недоверия к нашим мотивам», он «подготовил для президента направленный затем маршалу Сталину резкий ответ, настолько близкий к отповеди, насколько это возможно в дипломатических обменах между государствами». Рузвельт уверял, что «имеющиеся у Вас об этом сведения, должно быть, исходят из германских источников, которые упорно старались вызвать разлад между нами с тем, чтобы в какой-то мере избежать ответственности за совершенные ими военные преступления. Откровенно говоря, я не могу не чувствовать крайнего негодования в отношении Ваших информаторов, кто бы они ни были, в связи с таким гнусным,

неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных». Черчилль 5 апреля с возмущением поддерживал Рузвельта: «Я поражен тем, что Сталин направил Вам послание столь оскорбительное для чести Соединенных Штатов, а также и Великобритании... Все это делает особенно важным, чтобы мы встретились с русскими армиями как можно дальше на востоке и, если обстоятельства позволят, вступили в Берлин... Мы всегда должны быть настороже: не является ли грубость русских посланий предвестником каких-то глубоких перемен в политике, перемен, к которым они готовятся?.. Если они когда-нибудь придут к заключению, что мы их боимся и что нас можно подчинить запугиванием, то я потеряю всякую надежду на наши будущие отношения с ними и на многое другое».

Рузвельт соглашался: «Мы не должны допустить, чтобы у кого-то сложилось неверное представление, будто мы боимся. Буквально через несколько дней наши армии займут позиции, которые позволят нам стать “более жесткими”, чем до сих пор казалось выгодным для успеха в войне».

Но Сталин продолжал источать недоверие союзникам. 7 апреля он доказывал Рузвельту, что «при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника... Что касается моих информаторов, то уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно

и не имеют намерения оскорбить кого-либо. Эти люди многократно проверены нами на деле».

Черчилль бушевал, полный решимости устроить антисоветский демарш в парламенте и новую перепалку по дипломатическим каналам уже по польскому вопросу. Рузвельт посчитал необходимым охладить пыл Черчилля и 10 апреля направил в Лондон подготовленную госсекретарем Стеттиниусом телеграмму с призывом проявлять выдержку и осторожность. Рузвельт также предлагал: «В связи с недавними обвинениями, выдвинутыми Сталиным в отношении операции “Кроссворд”, я полагаю, что, прежде чем о чем-либо договариваться через Красный Крест с какими бы то ни было немецкими властями, мы должны информировать Сталина».

11 апреля было для Рузвельта хорошим днем. Из Европы поступали ободряющие новости. Президент диктовал текст речи к отмечаемому 13 апреля Дню памяти автора американской Декларации независимости и третьего президента США Томаса Джефферсона. Рузвельт был в ударе. Конечно, там были мысли о Джефферсоне, человеке весьма достойном, при котором, кстати, в 1809 году были установлены дипломатические отношения между Россией и Соединенными Штатами. Но речь была больше о другом.

– Мы не откажемся от решимости добиваться того, чтобы на протяжении жизни наших детей и детей наших детей не было третьей мировой войны, – диктовал Рузвельт секретарю.

рю. – Мы хотим мира, прочного мира... Но было бы недостаточно нанести поражение нашим врагам. Мы должны идти дальше и сделать все возможное, чтобы нанести поражение сомнениям и страхам, невежеству и алчности, которые сделали возможным весь этот ужас...

Сегодня мы сталкиваемся с основополагающим фактом, суть которого состоит в том, что если цивилизации суждено выжить, то мы должны для этого культивировать науку человеческих отношений – способность всех людей, какими бы разными они ни были, жить и трудиться вместе на одной планете в условиях мира... Конец этой войны будет означать конец всем попыткам развязать новые войны, бессмысленному способу решения разногласий между правительствами путем массового уничтожения людей.

Затем у Рузвельта дошли руки до ежедневных бумаг и дипломатической переписки. Черчилль продолжал допекать, хотя уже не так рьяно, по поводу «Кроссворда» и русских: «Я чувствую, что это, очевидно, максимум того, чего мы можем добиться от них, и, конечно, они здесь приблизились, насколько могли, к тому, чтобы принести извинения». И в добавление: «Я чувствую, что они не хотят ссориться с нами, и Ваша телеграмма по поводу “Кроссворда”, возможно, серьезно и заслуженно обеспокоила их. Наша точка зрения по обоим спорным проблемам и наш наступательный дух остаются точно такими же, как они выражены в наших телеграммах».

Рузвельт собственной рукой написал Черчиллю успокаивающий ответ: «Я стремлюсь по мере возможности свести к минимуму советские проблемы вообще, поскольку эти проблемы в той или иной форме возникают каждый день и большинство из них, так или иначе, регулируются, как и недоразумение, касающееся встреч в Берне. Все-таки мы должны быть твердыми, и до сих пор наш курс был правильным».

А затем написал Сталину – в совсем примирительном духе: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся».

Между тем в Москве произойдет удивительное. Гарриман придержал у себя пришедшее от Рузвельта послание Сталину, вместо того чтобы, как обычно, просто передать его Молотову. Посол решил не согласиться с президентом! Он отправит телеграмму Рузвельту с «почтительным предложением» подождать с передачей послания, чтобы у президента было достаточно времени скорректировать свои позиции по данному вопросу с учетом мнения Черчилля и выработать единую линию поведения в отношении Сталина. Более то-

го, Гарриман предложил убрать слово «незначительное» из текста послания, поскольку «я должен признаться, что это недоразумение, как мне представляется, весьма серьезное».

Рузвельт же, завершив работу над документами, сделал перерыв на ланч – в исключительно женской компании: Люси Резерфорд, Дэйзи, Лаура Делано, Елизавета Шуматова и его секретарь Дороти Брэдли.

После обеда президент вышел на террасу с Дороти и внес финальные правки в уже напечатанный текст своей джефферсоновской речи. Последние строчки он дописал от руки: «Единственной преградой для приближения этого завтрашнего дня будут только наши сомнения в отношении дня сегодняшнего. Так давайте же пойдем вперед во всеоружии сильной и активной веры». Рузвельт предупредил другого секретаря – Грейс Талли, – что на следующее утро он приступит к работе над своим обращением к учредительной конференции Объединенных Наций, которая должна была открыться в Сан-Франциско 25 апреля.

Ближе к вечеру Дэйзи и Люси усадили Рузвельта – с помощью прислуги – в автомобиль и отправились на пару часов на прогулку. Президент попросил отвезти его в одно из своих любимых мест в горах – Дауделс Ноб. Посидел там на поваленном дереве, размышляя о чем-то...

К ужину ожидали министра финансов Генри Моргентау. Он приехал в восьмом часу и застал Рузвельта сидящим за ломберным столиком с ногами на плетеном табурете. Перед

ним стояли бутылки, лед и стаканы – президент смешивал коктейли. «Я был просто потрясен, увидев его, – вспоминал Моргентау. – Мне показалось, что он ужасно постарел и выглядит очень изможденным. Руки у него тряслись так, что он даже бокал не мог удержать, он опрокидывал их, и мне приходилось держать бокал каждый раз, как он наливал коктейль».

После второго коктейля, который он закусывал русской черной икрой, президент обрел обычную форму, хотя перемещение из инвалидного кресла в обычное прошло трудно. Поговорил о Сан-Франциско.

– Я поеду на своем поезде и в три часа дня выйду на сцену, – делился планами Рузвельт. – Выступить буду, сидя в коляске. Произнесу речь.

Он скривился, рассказывал Моргентау, хлопнул в ладоши и сказал:

– А затем они заплодируют. И я уйду.

Моргентау развивал свои идеи о послевоенной Германии, о необходимости ее максимально ослабить.

– Генри, я согласен с тобой на все сто процентов, – отвечал Рузвельт.

Уходя, Моргентау видел смеющегося президента, увлеченного беседой с четырьмя женщинами. Они обсуждали портрет президента, который на следующий день должна была закончить Елизавета Шуматова.

Поздно вечером Рузвельт позвонил дочери Анне, чтобы

осведомиться о здоровье внука Джона. О своем самочувствии, как обычно, он даже не упомянул.

Утренние часы 12 апреля после завтрака Рузвельт провел, сидя перед камином в своем любимом кожаном кресле, в темно-синем костюме с красным гарвардским галстуком. Кресло придвинули к ломберному столику, заваленному документами и дипломатической почтой, доставленной из Белого дома. Президент визировал и подписывал бумаги, которые клал перед ним Хассет.

В тот день почту доставили непривычно поздно, и президент сокрушался, что до обеда уже не сможет начать диктовку речи для Сан-Франциско. Но он переговорил с Дьюи Лонгом, ответственным в аппарате президента за логику. Президент планировал вернуться в Вашингтон 19 апреля, оттуда и выехать в Сан-Франциско на поезде в полдень на следующий день.

В 10.50 от главы аппарата Белого дома адмирала Леги в Уорм-Спрингс пришел подготовленный им ответ Гарриману. Леги знал, что Рузвельту было безразлично мнение явно слишком много бравшего на себя посла в Москве. Президенту было важно сохранить хорошие отношения со Сталиным, и он был намерен пресекать поводы к новым конфликтам. И Леги это тоже знал, отправив на утверждение Рузвельту следующий текст: «Черчилль полностью в курсе, и в промедлении с доставкой Вами моего послания Сталину необходи-

мости нет. По Вашему второму вопросу. Я не желаю, чтобы слово «незначительный» было опущено, поскольку в мои намерения входит считать бернский инцидент незначительным недоразумением». В 13.06 в штабную комнату Белого дома поступит сообщение от Рузвельта. В нем было только одно слово: «Одобрено».

Телеграмма Сталину уйдет в тот же день в том виде, в котором ее написал Рузвельт.

Президент в тот момент позировал Шуматовой. Сохранять неподвижную позу было утомительно. Рузвельт брал короткие перерывы, чтобы подписать все новые бумаги и переброситься двумя-тремя словами. Иногда и сама Шуматова заговаривала с ним, чтобы портрет получился живее.

Неожиданно Рузвельт сказал, что хотел бы подать в отставку с поста президента. Все восприняли это как шутку.

– Вы это серьезно? – спросила, смеясь, Лаура Делано. – И что же вы будете делать?

– Я бы хотел возглавить Организацию Объединенных Наций, – не задумываясь, ответил Рузвельт.

В час дня президент сказал:

– Нам осталось работать пятнадцать минут.

Внезапно в 13.15, глядя на Дэйзи и положив левую руку на затылок, он произнес:

– У меня ужасно болит голова.

Он потерял виски, его голова опустилась, он начал медленно сползать с кресла. Больше он в себя не приходил. Брюэнн

оценил ситуацию как безнадежную. Рядом была Люси...

В 15.45 Рузвельт умер. В Москве было 22.45, в Лондоне – 21.45.

Непосредственной причиной смерти, которая, по словам доктора, грянула просто «как гром среди ясного неба», стало субарахноидальное кровоизлияние, вызванное аневризмой головного мозга.

Когда Элеоноре Рузвельт сообщили о смерти мужа, она сказала:

– Он умер как солдат.

Четверым детям, которые были на фронте, она написала: «Он довел свою работу до конца, и он хотел, чтобы вы выполнили до конца свою».

«Подобно Моисею, Франклин Делано Рузвельт видел землю обетованную, но не дано ему было достичь ее, – писал Генри Киссинджер. – Когда он умер, союзные войска находились уже в глубине Германии, а битва за Окинаву, прелюдия к планируемому союзному вторжению на основные Японские острова, только началась».

Рузвельта считают в США одним из величайших президентов. Его смерть во многом изменит течение мировой истории.

Когда поздно вечером Геббельс возвратился из Кюстрина в Берлин, центр немецкой столицы полыхал в огне после очередного налета английской авиации. Пожаром были охваче-

ны и здание Рейхсканцелярии, и знаменитый отель «Адлон» у Бранденбургских ворот. У входа в Министерство пропаганды Геббельса встретил секретарь со срочной новостью:

– Рузвельт умер!

Лицо министра засветилось в отблесках пожара.

– Принесите лучшего шампанского, – воскликнул Геббельс, – и соедините меня с фюрером.

Гитлер в подземном бункере подошел к телефону.

– Мой фюрер! Я поздравляю вас! Рузвельт умер! Звезды предрекли, что вторая половина апреля станет для нас поворотным моментом... Это и есть поворотный момент!

Реакция Гитлера на эту новость в документах не зафиксирована, хотя ее нетрудно представить. Геббельс же, по словам его секретаря, «впал в экстаз». Германское радио заявило, что «Рузвельт войдет в историю как человек, который своим подстрекательством превратил нынешнюю войну во Вторую мировую войну, как президент, который в итоге сумел усилить мощь своего самого большого противника – большевистского Советского Союза». 13 апреля Гитлер продикует свой последний приказ, который должны были зачитать в тот день, когда начнется советское наступление на Берлин. В нем, в частности, говорилось: «Сейчас, когда умер величайший военный преступник, для нас начинается коренной перелом в войне».

Конечно, смерть Рузвельта была воспринята в Берлине как подарок судьбы. Но фантазии Гитлера шли еще даль-

ше. «Охваченный бредовой мыслью, что Германия во главе с ним располагает еще свободой политического маневрирования, он хотел после раскола союзников присоединиться к той из сторон, которая предложит ему лучшие условия».

Черчиллю сообщили о смерти Рузвельта в полночь, когда он еще продолжал работать. «Помимо того, что нас тесно связывала наша общая деятельность, для меня это очень болезненная личная утрата, – сразу телеграфировал он Гопкинсу. – Я испытывал огромную симпатию к Франклину». Черчилль решил было немедленно лететь на похороны Рузвельта.

У командующего Объединенными силами союзников в Европе Дуайта Эйзенхауэра тот день выдался насыщенным. Он провел его в армии генерала Джорджа Паттона, а затем рассказывал в мемуарах: «Утром мы побывали в некоторых корпусах и дивизиях армии, которые в типичной для действий Паттона манере неслись на восток, то тут, то там окружая и захватывая в плен изолированные группы разваливавшейся армии противника. Не было никакого общего фронта, или рубежа сопротивления, или каких-либо скоординированных действий с целью воспрепятствовать продвижению наших войск. Однако в некоторых местах вражеские группы упорно оборонялись, и мы в течение всего дня то и дело оказывались свидетелями спорадических стычек.

Армия генерала Паттона захватила район, где в одной глу-

бокой соляной шахте были обнаружены сокровища, запрятанные туда нацистами. Наша группа спустилась в шахту на глубину почти полумили. На дне лежали огромные кипы немецких бумажных денег, очевидно, сваленные здесь после отчаянных попыток вывезти их перед приходом американцев. В одном из туннелей находилось большое количество картин и других предметов искусства. Некоторые из них были завернуты в бумагу или мешковину, остальные уложены, как листы фанеры. В другом туннеле мы увидели склад золота, по оценке наших специалистов, общей стоимостью в 250 млн долларов, в основном в виде золотых слитков... Здесь же мы обнаружили очень много чеканного золота из разных стран Европы, даже несколько миллионов золотых монет из Соединенных Штатов...

День 12 апреля завершился известием, полным драматизма. Брэдли, Паттон и я допоздна засиделись за обсуждением планов на будущее. В частности, мы рассматривали вопросы о том, кого из офицеров и какие соединения выделить для переброски на Тихоокеанский театр военных действий. Незадолго до полуночи мы отправились спать: Брэдли и я – в небольшой домик штаба Паттона, а сам Паттон ушел в свой фургон. Его часы остановились, и он включил радио, чтобы по Би-би-си уточнить время, и тут услышал сообщение о смерти президента Рузвельта. Он вернулся в наш домик, разбудил Брэдли, и затем оба вошли в мою комнату, чтобы сообщить это ошеломляющее известие мне». Генера-

лы не были уверены, что Трумэн станет адекватной заменой Рузвельту.

В Америке есть такая поговорка-притча: «У матери было два сына. Один ушел в море, другой стал вице-президентом США. С тех пор ни об одном, ни о другом ничего не слышно». Пост вице-президента не самый заметный. Если, конечно...

В Вашингтоне шло пленарное заседание сената, председательствовал вице-президент Гарри Трумэн. После заседания он зашел к спикеру палаты представителей Сэму Рэйберну – обсудить текущие вопросы и просто поболтать. Едва он появился в кабинете Рэйберна, тот сказал о звонке помощника Рузвельта Стива Эрли, который срочно разыскивал Трумэна и просил, как только он появится, немедленно связаться с Белым домом. Лицо Трумэна стало серым, и он произнес:

– Ребята, должно быть, что-то произошло.

Трумэн быстро направился в свой кабинет, но по дороге передумал и, вызвав машину, помчался в Белый дом. Его встретила Элеонора Рузвельт. Обняв его, она произнесла:

– Гарри, президент мертв.

Растерявшийся Трумэн задал банальный вопрос:

– Что я могу сделать для вас, Элеонора?

Та была куда более опытным политиком и тут же отреагировала безупречно:

– Что я могу сделать для вас, мистер президент? Ведь те-

перь на вас лежат все заботы.

«Я чувствовал себя так, как будто меня ударила молния», – делился Трумэн вскоре своими ощущениями с близким другом Джоном Снайдером, которого он назначит министром финансов вместо Моргентау. Но Трумэн на удивление быстро овладел своими чувствами. Он распорядился оповестить о трагедии членов конгресса и прессу. Около шести часов вечера все радиостанции Соединенных Штатов, прервав передачи, сообщили о смерти Рузвельта.

В Белый дом был приглашен председатель Верховного суда Харлан Стоун. Именно он, согласно американской традиции, должен был принять присягу нового президента. В семь часов с небольшим Трумэн, рядом с которым стояли срочно доставленные супруга Бесс и дочь Маргарет, произнес слова присяги. В комнате была и одетая в черное Элеонора Рузвельт. Первую присягу не засчитали. Спыхватились, что забыли пригласить фотокорреспондентов, которые должны были запечатлеть этот исторический момент. Для них церемонию пришлось провести еще раз.

– Да поможет вам Бог, – сказал Стоун после повторной процедуры.

– Да поможет мне Бог, – согласился Трумэн и поцеловал Библию.

Вступил в должность 33-й президент Соединенных Штатов Америки.

Затем наскоро прошло заседание кабинета министров.

Самый пожилой и уважаемый член кабинета, военный министр Генри Стимсон, вспоминает: «Это была группа очень мрачных людей. Ведь при всех своих идиосинкразиях наш шеф был очень добрым и дружественно настроенным человеком, его юмор и любезность всегда вливали жизнь в заседания кабинета. Я думаю, что каждый из нас остро чувствовал потерю личного друга». Договорились только сохранять верность заветам Франклина Рузвельта и продолжить подготовку к открытию конференции Объединенных Наций.

Дождавшись, когда коллеги покинули зал, Стимсон задержался, чтобы коротко, не вдаваясь в детали, проинформировать нового президента: США находятся накануне создания принципиально нового «взрывного устройства невероятной разрушительной силы». Так Трумэн впервые услышал об атомной бомбе. В это трудно поверить, но в тот день Сталин и Молотов – благодаря хорошо поставленной разведке – были куда более информированы об американском ядерном проекте, чем вступивший в должность президент Соединенных Штатов.

Об окончании этого бурного для него дня Трумэн рассказывал сам: «Через полчаса после завершения заседания кабинета я уехал в свою квартиру на Коннектикут-авеню, 4701. Когда я приехал, то обнаружил миссис Трумэн, Маргарет и мать миссис Трумэн – миссис Уоллес в квартире генерала Джеффа Дэвиса, нашего соседа. Этим вечером у Дэвисов был ужин с ветчиной и индейкой, и они нас накормили. Не

знаю, когда последний раз ели миссис Трумэн и Маргарет, но у меня не было и крошки во рту с полудня. Вскоре мы вернулись в свою квартиру».

Он позвонил своей матери. 92-летняя Марта напутствовала сына:

– Гарри, старайся делать все как можно лучше, но играй по правилам.

Через пару дней Гарри записал в дневник, что в тот момент не представлял себе, «как отреагирует страна на смерть человека, которого боготворили почти все. Особенно я беспокоился по поводу реакции в вооруженных силах. Я не знал, как все это скажется на военных действиях, на контроле над ценами, на военной промышленности. Я знал, что у президента было множество встреч с Черчиллем и Сталиным. Я не был знаком со многими вещами, и надо было тщательно все обдумать, но я решил, что всего лучше отправиться домой и послушать музыку... Отправился в постель, решил спать и больше ни о чем не волноваться».

Мгновение 2

13 апреля. Пятница

Сверхдержава СССР

В резиденции американского посла в Москве в ночь на 13 апреля 1945 года шумно веселились. Прощальную вечеринку устроил возвращавшийся на родину дипломат Джон Мелби. Веселье в Спасо-хаусе было в разгаре, когда далеко за полночь дежурный по посольству позвонил Гарриману и сообщил, что он только что услышал в ночном выпуске новостей по радио о смерти президента США. Гарриман вернулся в зал, остановил музыку и сообщил собравшимся печальное известие. Все сразу покинули зал.

«В 02 часа 50 минут позвонил Гарриман и попросил сообщить Народному комиссару Молотову, что незадолго до 23 часов по московскому времени скончался Президент Соединенных Штатов Рузвельт, – записал в дневник дежурный помощник наркома Михаил Потрубач. – Гарриман заявил, что сегодня днем, по возможности раньше, он хотел бы видеть г-на Сталина и г-на Молотова». Посол явно не находил себе места: через пять минут он снова позвонил в НКВД и запросил встречу с Молотовым «этой ночью». В 3 часа 05 ми-

нут Потрубач перезвонил Гарриману: нарком желал бы «посетить посла сейчас же, если ему это удобно».

Гарриман писал, что приехавший выразить соболезнования Молотов был «глубоко тронут и взволнован. Он задержался на некоторое время и говорил о том, какую роль сыграл президент Рузвельт в войне и строительстве планов на мирное время». «Молотов, – докладывал Гарриман в Вашингтон, – казался очень расстроенным и взволнованным... Я никогда не видел его таким искренним».

Гарриман просил как можно скорее организовать ему встречу со Сталиным. Скоро не получилось. У Сталина день был уже плотно расписан.

Информация к размышлению

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович. 66 лет. Член ВКП(б) с 1901 года. Председатель Государственного комитета обороны СССР (ГКО), Председатель Совета народных комиссаров, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), Верховный главнокомандующий Вооруженными силами СССР, народный комиссар обороны, Маршал Советского Союза.

Родился в крестьянской семье в Гори Тифлисской губернии. Воспитывала мать, переболел в детстве оспой и тифом, травмирована левая рука. Образование Сталин получил в Горийском духовном училище,

а также в Тифлисской духовной семинарии, откуда был изгнан за революционную деятельность. Работал в Тифлисской физической обсерватории. Член Тифлисского и Батумского комитетов РСДРП, с 1901 года на нелегальном положении. Дооктябрьская биография уместается между семью арестами и пятью побегам из тюрем и ссылок. Один из лидеров большевиков Закавказья, член Русского бюро ЦК. Жизнь революционера выработала у Сталина расчетливость, осторожность, холодную рассудительность, жестокость, невозмутимость, самодисциплину, смелость, обостренное чувство опасности.

В первом ленинском правительстве получил портфель наркома по делам национальностей. Член Политбюро с момента его создания. Член Военных советов ключевых фронтов в годы Гражданской войны.

С 1922 года Генеральный секретарь ЦК ВКП (б). Одержал победу во внутривластной борьбе 1920-х годов и стал единоличным правителем СССР. Сталин подавил массовыми репрессиями реальную и потенциальную оппозицию, отбросил в сторону ленинский НЭП и провел насильственную модернизацию страны через формирование крупных коллективных хозяйств на селе и индустриализацию – создание тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса. В 1940 году возглавил правительство.

С начала войны Сталин был единственным из

лидеров Большой тройки, кто руководил операциями своих армий.

Первая супруга – Екатерина Семеновна Сванидзе – умерла от тифа. От первого брака сын Яков. Погиб в немецком плену. Вторая супруга – Надежда Сергеевна Аллилуева – застрелилась. Дети от второго брака – Василий и Светлана.

К 1945 году на волне впечатляющих успехов Красной армии, освободившей половину Европы, Сталин чувствовал себя, и не без оснований, военно-политическим триумфатором. И он ни в коей мере не собирался сдавать ни Трумэну, ни Черчиллю позиций, завоеванных на мировой арене ценой таких огромных жертв, которые понес в войне Советский Союз.

На Восточном фронте Германия и ее союзники до открытия второго фронта держали от 95,5 % своих сухопутных сил в июне 1941 года до 92,1 % – в январе 1944 года. После открытия второго фронта советско-германский фронт отвлек на себя 69–71 % немецких дивизий, 81 % орудий и минометов, 67 % бронетанковой техники. Советские войска уничтожат 607 немецких дивизий, в то время как наши союзники – 176.

Советский Союз, находившийся до войны в жесткой политической изоляции, с руководителями которого западные лидеры до 1941 года считали ниже своего достоинства даже общаться, становился, если уже не стал, сверхдержавой.

Советское руководство восстановило амбициозные исторические и геополитические задачи государства Российского. «Сталин не раз говорил, что Россия выигрывает войны, но не умеет пользоваться плодами побед, – подтверждал Молотов. – Русские воюют замечательно, но не умеют заключать мир, их обходят, недодают... Моя задача как министра иностранных дел была в том, чтобы нас не надули».

СССР был в первую очередь военной сверхдержавой. «Советские войска к тому времени превосходили врага по всем показателям, – писал маршал Жуков. – Наша действующая армия к исходу 1944 года насчитывала 6,7 миллиона человек. У нее было 107,3 тысячи орудий и минометов, 2677 реактивных установок, 12,1 тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок, более 14,7 тысячи боевых самолетов...

В это время наша боевая мощь усилилась польскими, чехословацкими, румынскими и болгарскими войсками, которые успешно громили фашистов. Их общая численность к началу 1945 года составляла 347 тысяч человек, они имели около 4000 орудий и минометов и около 200 танков. В составе 3-го Белорусского фронта героически сражались французские летчики авиационного полка “Нормандия-Неман».

Превосходство советских сил над германскими Черчилль оценивал как трехкратное. Гудериан называл его четырнадцатикратным. Как говорится, у страха глаза велики, да и как могла меньшая сила сломить самого Гудериана.

Но дело было не в цифрах. У нас была великая армия. И она была настроена на последний и решительный бой. Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский писал: «Бойцы, командиры и политработники были полны энтузиазма, горели желанием как можно лучше выполнить задачу. К этому времени мы уже имели хорошо подготовленные офицерские кадры, обладавшие богатейшим боевым опытом. Общевоинские командиры научились в совершенстве руководить подразделениями, частями и соединениями в различных видах боя. На высоте положения были и командиры специальных родов войск – артиллеристы, танкисты, летчики, инженеры, связисты. А советский народ в достатке обеспечил войска лучшей к тому времени боевой техникой. Подавляющее большинство сержантов и солдат уже побывали в боях. Это были люди обстрелянные, привыкшие к трудным походам... В последних, завершающих боях наши люди проявили подлинно массовый героизм. Подвиг стал нормой их поведения».

Но Советский Союз выигрывал войну и экономически. Вся страна превратилась в единый боевой лагерь, живший под девизом «Все для фронта, все для победы!»

«Наша промышленность в труднейших условиях вооруженной борьбы с сильным врагом, который нанес нам такой огромный материальный ущерб, сумела за годы войны произвести почти вдвое больше современной боевой техники, чем гитлеровская Германия, опиравшаяся на военный по-

тенциал Европы», – справедливо замечал Жуков.

СССР смог создать мощнейшую производственную, научную и опытно-конструкторскую базу, которая легла в основу нашего военно-промышленного комплекса. К концу 1944 года в систему советского ВПК входили 562 военных завода и 98 научно-исследовательских институтов и опытно-конструкторских бюро, в которых в общей сложности работало 3,5 млн человек, что составляло почти 15 % от всех занятых в народном хозяйстве страны.

Но ограниченность факторов силы тоже была налицо. Известный британский историк великих держав Пол Кеннеди замечал: «СССР действительно обогнал Рейх в гонке вооружений, а не только победил его на фронтах, но сделать это ему удалось за счет невероятного сосредоточения всех усилий на военно-промышленном производстве и резкого сокращения всех прочих секторов экономики – потребительских товаров, розничной торговли, сельского хозяйства (хотя спад в производстве продуктов питания объяснялся главным образом немецкими грабежами). Таким образом, Россия 1945 года была, в сущности, военным гигантом, но при этом страдала от бедности, лишений и дисбаланса».

Экономическая цена войны для СССР была колоссальной. Создание столь гигантской военной машины могло произойти только за счет многих других отраслей народного хозяйства, прямо не связанных с войной. А были еще и чудовищные потери от немецкой оккупации. Молотов в 1945 го-

ду называл цифры: «Немецко-фашистские оккупанты полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов имеются крупнейшие промышленные и культурные центры страны: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие. Гитлеровцы разрушили и повредили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих и служащих. Гитлеровцы разорили и разграбили 98 тысяч колхозов, в том числе большинство колхозов Украины и Белоруссии. Они зарезали, отобрали и угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, десятки миллионов свиней и овец. Только прямой ущерб, причиненный народному хозяйству и нашим гражданам, Чрезвычайная Государственная Комиссия определяла в сумме 679 миллиардов рублей (в государственных ценах)». Ограниченность возможностей Советского Союза тоже отчетливо осознавалась в Кремле.

Контуры будущей советской внешнеполитической стратегии уже активно прорабатывались рядом специальных комиссий, деятельность которых координировал Молотов.

Несмотря на быстрое продвижение союзников на Западе, именно кровопролитные сражения на Востоке определя-

ли ход военных действий и результаты дипломатических переговоров. Достигнутые на Ялтинской конференции договоренности, по сути, закрепляли за СССР его зону интересов в том виде, как она была обозначена в секретном протоколе к договору о ненападении с Германией 1939 года, и зона эта почти совпадала с границами Российской империи – без Польши и Финляндии. Более того, СССР готовился присоединить часть Восточной Пруссии с Кёнигсбергом (хотя формально западные союзники так и не признают присоединения к СССР прибалтийских республик).

Классовые цели компартии отодвигались на второй план. Молотов на пенсии напишет: «Во Второй мировой войне не стоял вопрос о превращении тогдашней антифашистской войны в гражданскую войну против буржуазии, поскольку СССР вел войну против фашистских стран вместе с несколькими главными антифашистскими буржуазными странами. Тогда задачи СССР заключались в том, чтобы, прежде всего (вернее, во-первых), защитить и отстоять демократические (точнее, буржуазно-демократические) цели Второй мировой войны от фашизма и добиться как можно более решительного поражения фашизма (Германии и Италии, а также милитаризма Японии). Разумеется, СССР и тогда стремился, во-вторых, к тому, чтобы антифашистские цели войны осуществлялись как можно более последовательно, как можно более решительно, и, где можно, где были советские войска, СССР всей своей мощью поддерживал наиболее решитель-

ных противников фашизма – компартии (Румыния, Болгария, Чехословакия, Польша и др.)».

В отношении занятых советскими войсками стран Восточной Европы стратегия Москвы заключалась в том, чтобы иметь там правительства «независимые, но не враждебные». Планов советизации этих государств изначально не существовало.

Один из руководителей советской разведки Павел Анатольевич Судоплатов свидетельствовал, что в верхушке НКВД и военной разведке «вообще не упоминали о перспективах социалистического развития Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Социалистический выбор как реальность для нас в странах Европы был более или менее ясен только для Югославии. Мы исходили из того, что Тито как руководитель государства и компартии опирался на реальную военную силу. В других же странах обстановка была иной. Вместе с тем мы сходились на том, что наше военное присутствие и симпатии к Советскому Союзу широких масс населения обеспечат стабильное пребывание у власти в Польше, Чехословакии и Венгрии правительств, которые будут ориентироваться на тесный союз и сотрудничество с нами».

Но даже с Югославией не все было так однозначно. Сталин советовал Иосипу Броз Тито снять красные звезды с югославской военной формы, чтобы «не пугать англичан».

Своей важной задачей Москва на том этапе видела поддержку и обеспечение участия во властных структурах тех

сил, которые так или иначе ориентировались на СССР. В первую очередь речь шла, конечно, о главном «классовом» союзнике – коммунистах, которые во всех странах Восточной Европы, кроме Чехословакии, до войны действовали нелегально. Курс на достижение компромиссов, формирование коалиционных блоков с некоммунистическими партиями в реальной политической практике сочетался с открытым использованием силовых приемов для нейтрализации или подавления тех сил, которые отвергали сотрудничество с коммунистами и/или занимали открыто антисоветские позиции. Имело место сочетание насильственного «натягивания советского пиджака» на освобожденные страны с очевидным ростом социалистических настроений и социальной базы для режимов «народной демократии». В Финляндии, Норвегии и Австрии, где уже стояли советские войска, но компартии были слабы, политика советизации вообще не проводилась.

Опыт сотрудничества с западными странами воспринимался в Кремле как совсем неоднозначный. На одной чаше весов лежало политическое и военное взаимодействие, союзнические конференции, совместные усилия по созданию ООН, военная и экономическая поддержка Советского Союза со стороны западных держав, которая сыграла немалую роль в укреплении оборонной мощи СССР.

Заместитель председателя Совнаркома Николай Александрович Вознесенский определял удельный вес западных по-

ставок в 4 % от внутреннего военного производства. Американские оценки – около 10 %. Но при этом надо иметь в виду, что западная статистика брала в расчет отправленную продукцию без учета потерь при доставке. Обоснованной представляется цифра в 6–7 %.

Из США, Великобритании и Канады было поставлено 22 195 самолетов, 12 900 танков, 5000 орудий, 427 000 автомобилей всех классов. В порядке ленд-лиза поступило около 1 % от общего советского производства стрелкового и артиллерийского оружия, 20 % фронтовых бомбардировщиков, от 16 до 23 % – фронтовых истребителей, свыше 80 % радиолокационного оборудования. Американские «форды», джипы и «студебеккеры» составляли 70 % от автопарка Советской армии. Поступали также продовольствие, одежда, телефонные провода, авиационное топливо, легированная сталь, высокоточные приборы, станки и инструменты. Кроме того, сам факт помощи имел большое моральное значение, добавляя чувство уверенности советским людям.

В начале войны до половины поставок осуществлялось через наши северные порты, куда шли конвои, неся большие потери. Затем основные поставки пошли через Персидский залив и Иран, а также через дальневосточные порты. Более 8 тысяч самолетов (половина от всех американских поставок) было переправлено через АЛСИБ – авиатрассу между Аляской и Сибирью.

При этом не следует забывать, что и сам СССР постав-

лял оружие в другие страны. Так, Войску польскому Советский Союз передал 8340 орудий и минометов, 630 самолетов, 670 танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 406 тысяч винтовок и автоматов, большое количество транспортных машин, средств связи. Войска Югославии получили 5800 орудий и минометов, около 500 самолетов, 69 танков, более 193 тысяч винтовок, карабинов и автоматов, 15,5 тысяч пулеметов. Огромными были поставки советского вооружения в Китай.

На другой чаше весов лежало традиционное взаимное недоверие союзников друг к другу, затягивание с открытием второго фронта в Европе, в чем Москва не без оснований усматривала стремление переложить именно на СССР основные тяготы войны, и многократный обман союзниками советского руководства по поводу сроков открытия второго фронта, те же сепаратные переговоры с немцами, нежелание учитывать советские интересы в Восточной Европе. Существовал и культурно-цивилизационный разрыв. «Рузвельта и Черчилля объединял комплекс англо-американской исключительности и превосходства, убеждение в цивилизаторской миссии англоязычных народов по отношению к остальному миру, включая «полуварварскую» Россию, – пишут знающие историки. – В Сталине они видели пусть выдающегося, но все же варварского лидера – “Аттилу”, как за глаза называли его некоторые британские деятели».

Вместе с тем в Кремле были настроены на продолжение

партнерства с Западом после войны. «У советского руководства и лично у Сталина оставалось твердое намерение продолжать сотрудничество с западными державами – союзницами по антигитлеровской коалиции», – подтверждал Громыко.

Вот что пишет о мотивах руководителей СССР тщательно изучивший этот предмет блестящий историк Владимир Олегович Печатнов: «Военный опыт сотрудничества с Западом не изменил в корне их большевистски циничного взгляда на союзников как коварных, корыстных и лицемерных, а сам союз – как временное соглашение с “одной фракцией буржуазии”, на смену которому может прийти соглашение с “другой”... Но тот же циничный прагматизм подталкивал Сталина и его окружение к сохранению заинтересованности в продолжении сотрудничества с Западом, по крайней мере на ближайшую послевоенную перспективу. Во-первых, союз представлялся реальным способом предотвращения новой германской и японской угрозы... Во-вторых, союз создавал институциональные рамки для легитимации новых советских границ и обширной сферы влияния за их пределами... Кроме того, сотрудничество США было необходимо для получения экономической и финансовой помощи, в которой так остро нуждалось разрушенное войной хозяйство страны».

Сближала с Западом и перспектива продолжения войны – теперь уже на Дальнем Востоке.

22 января 1945 года американский ОКНШ подготовил для президента меморандум о завершающем этапе войны с Японией. Вторжение на основные ее острова планировалось только на зиму 1945/46 года, а в случае затягивания войны в Европе – и на более поздний срок. Предполагалось, что для победы потребуется не менее 18 месяцев после капитуляции Германии и 200 тысяч жизней американских военных. Помощь СССР считалась необходимой.

Япония, по сути, с 1931 года, а формально с 1937 года вела войну против Китая, угрожала дальневосточным границам СССР, где не раз вспыхивали вооруженные столкновения, оккупировала одну за другой страны Юго-Восточной Азии, воевала с западными державами на Тихом океане. Советский Союз даже в самые тяжелые годы войны с нацистами был вынужден держать миллионную армию на Дальнем Востоке. В Ялте было окончательно решено: СССР вступит в войну против Японии через три месяца после окончания войны в Европе. Кроме того, Москве удалось добиться согласия союзников на полный пересмотр итогов Русско-японской войны 1904–1905 годов – и в отношении прежних российских владений в Китае, и в отношении Сахалина и Курил, чья принадлежность Советскому Союзу была подтверждена.

В апреле 1945 года истек срок, когда у СССР существовала правовая возможность денонсировать Пакт о нейтралитете с Японией: если бы он этого не сделал, пакт автоматически продлевался на следующие пять лет. Учитывая ялтин-

ские договоренности, дальше тянуть было нельзя. 5 апреля Молотов пригласил японского посла Наотакэ Сато и заявил ему о денонсации пакта из-за коренного изменения международной обстановки: «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продолжение этого Пакта стало невозможным».

Сато уверял в желании сохранить мир на Дальнем Востоке. Японское правительство выразило, мягко говоря, сожаление. «Время, когда мы могли бы прибегнуть к каким-либо остроумным приемам с целью склонить СССР на свою сторону, явно прошло, – писал Сигэнори Того, возглавлявший в те дни японский МИД. – Но ведь полное и окончательное присоединение СССР к нашим противникам было бы для Японии фатальным».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.